

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТРАГЕДИИ КОРНЕЛЯ «ЦИННА»

ГВИДОНАС БАРТКУС

I

17 января 1643 года Гез де Бальзак писал Корнелю: «Я почувствовал настоящее утешение, получив ваше послание, и с самого начала своего письма кричу: это чудо! Ваш «Цинна» способен излечить больных, заставить паралитиков хлопать руками, возвратить речь немому, не говоря уже о болящем насморком. В самом деле, я вместе с голосом потерял и речь, но благодаря вам, я обретаю вновь и то и другое, а потому вправе употреблять их в вашу честь и постоянно твердить: какая хорошая вещь!». В конце письма, говоря о главном герое трагедии, Цинне, Бальзак восклицает: «Император его сделал консулом, а вы его сделали честным человеком»¹.

Сам Корнель признает, что эта трагедия является одним из лучших его произведений². Она имела большой и продолжительный успех на сцене XVII века. Фонтенель, младший современник Корнеля, его племянник и биограф, говорит, что «Цинна», вместе с «Полиевктом», — лучшее, что написал Корнель³. Буало предпочитает «Цинну» «Сиду»⁴.

По фактам, приводимым многими исследователями, можно судить, что люди того времени по-разному отнеслись к одному из главных моментов трагедии — к помилованию заговорщиков. Если Конти говорит, что зритель середины XVII века мало думает о милосердии Августа, то в 1674 году перед казнью де Рогана, который участвовал в заговоре против Людовика XIV, друзья заговорщика позаботились, чтобы «Цинна» была разыграна перед королем. И хотя Людовик был взволнован, Роган тем не менее лишился головы⁵.

Через столетие после постановки «Цинны» Вольтер писал: «Эмилию считали чуть ли не главным героем пьесы, а на Цинну смотрели, как на честного человека, потому что он хотел отомстить за свободу общества». Вольтер думает иначе: он видит в Цинне вероломного и даже трусливого человека⁶. Вольтер заметил в трагедии в основном

¹ Lettres choisies du Sr. de Balzac, Amsterdam, 1656, p. 332, 334.

² Oeuvres de P. Corneille, éd. Les Grands Ecrivains de la France, Paris, MDCCCLXII, t. III, p. 379.

³ Fontenelle, Vie de Corneille, Oeuvres de Fontenelle, Paris, t. IV, 1825, p. 214. p. V.

⁴ Буало, Послание к Расину. — Поэтическое искусство, М., 1957, стр. 113.

⁵ Ch. Marty-Laveaux, „Notice“, op. cit. Oeuvres de P. Corneille, t. III, 364; F. Hémon, „Introduction“, Théâtre de Pierre Corneille, 1886, t. II, deuxième partie, p. 6, 9; L. Petit de Julleville, „Notice sur «Cinna»“, Théâtre choisi de Corneille, Paris, Hachette, in-16, p. 376, 378.

⁶ Oeuvres complètes de Voltaire, Paris, MDCCCLXI, t. IX, p. 399.

только тираноборческие мотивы и пафос заговорщиков-конспираторов. Он почти не обращает внимания даже на мотив милосердия, довольствуясь анекдотическим рассказом об одном происшествии во время игры на сцене, добавляя к тому, что императору непристойно предлагать свою дружбу какому-то Цинне.

Противоречивые суждения о герое трагедии и об основной ее проблеме мы встречаем и в XIX веке. Эдуар Фурнье создает гипотезу о связи между историческими событиями 1639—40 гг. и «Цинной». После взятия Руана, главного города Нормандии, королевскими войсками и после подавления «босоногих», т. е. крестьян, восставших из-за невыносимого бремени налогов, Руан был обложен данью, как вражеский город, городское управление и парламент распущены, а многие повстанцы преданы казни. Корнель будто бы сочинил «Цинну», чтобы спасти родной город, облегчить судьбу осужденных, взывая к милосердию и смягчая гнев Ришелье⁷.

Эмиль Фаге, признавая, что «Цинна» — это политическая трагедия, все же объясняет ее с психологической точки зрения. Его больше всего интересует Август, как государственный деятель. Узнав о заговоре, он хочет унижить своего противника. Унижая он уже мстит и, удовлетворяя это желание, он словно очищается нравственно и чувствует, что готов простить. Он сосредоточивает всю свою волю на том, чтобы преодолеть самого себя и получить удовлетворение от победы над самим собой. Дальше Фаге пишет, что именно Ницше это хорошо понял и объяснил в „Corneille commenté par La Rochefoucauld“. Парадоксальные явления, такие, как внезапная холодность в поведении сентиментального человека, а также меланхолический нрав, и тем более великодушные, выраженные во внезапном отказе от мести, от удовлетворения желаемого, встречаются у людей, которые обладают большой центробежной силой (о. g. e centrifuge), а также у людей, которые охвачены внезапным пресыщением и отвращением. Взрыв страстей у них бывает мгновенным и таким сильным, что за ним тотчас следуют антипатия, отвращение. Великодушный человек, по крайней мере тот тип великодушных людей, который всегда производит большое впечатление, — это человек, жаждущий мести, который видит тут же возможность ее утоления и, выпивая кубок до последней капли, удовлетворяется в воображении так, что внезапное и сильное отвращение следует за разгулом чувств. С этого момента он как бы возвышается над самым собой: он прощает своему врагу. В великодушии есть и доля эгоизма, как и в мести, только этот эгоизм другого характера⁸.

Л. Эрлан рассматривает прощение Августа в духе христианского учения о чудесном, называя милосердие императора «взрывом сверхъестественного»⁹.

Антуан Адам утверждает, что в «Цинне» изображен конфликт между чувством гуманности «Raison d'Etat», волновавший просвещенные умы эпохи. В трагедии четко вырисовывается доктрина естественного права рядом с другим правом, признающим только государственную необходимость¹⁰.

⁷ E. Fournier, „Notes sur la vie de Corneille“, Corneille à la Butte Saint-Roch, Paris, 1862.

⁸ E. Faguet, En lisant Corneille, Paris, MCMXIII, p. 124 et suiv.

⁹ L. Herland, „Le pardon d'Auguste dans «Cinna»“. — „Table ronde“, № 158, février, 1961.

¹⁰ A. Adam, Histoire de la littérature française au XVIIe siècle, Paris, t. I, 1948, p. 529.

В одной из последних крупных работ о Корнеле, автором которой является Серж Дубровский, проблемы корнелевского театра освещаются с точки зрения экзистенциалистского психоанализа (*psychanalyse existentielle*), через «комплексы» героев. Трагедия «Цинна» рассматривается как завоевание власти¹¹. К этому Август приходит через завоевание внутреннего мира своих подданных, через внутренние усилия завоевателя и внутреннее покорение сопротивляющихся, которые изображаются в движении от начального взлета души (сопротивление) к падению (примирение). Примером может быть Эмилия, которая от начального порыва доходит до того, что объявляет себя товаром и отдает себя в обмен на смерть Августа, и, наконец, целиком покоряется Августу. Акт прощения, по Дубровскому, является аналогичным акту убийства.

Из советских ученых и исследователей о Корнеле писали Мокульский, Сигал, Виппер, Балашов и другие.

С. С. Мокульский подчеркивает политическое значение трагедии, актуальность которой заключалась в том, что Корнель «открыто противопоставил республиканский принцип монархическому, показав борьбу группы аристократов-республиканцев против императора Августа». Помилование заговорщиков было «своеобразным политическим жестом в сторону кардинала Ришелье, никогда не руководивавшегося в своей политике подобными принципами. Призыв к милосердию правителей был особенно уместен в момент появления «Цинны», потому что все французское общество находилось под свежим впечатлением жестокой расправы Ришелье с народным восстанием, вспыхнувши на родине Корнеля, в Нормандии, в 1639 г. [...] Корнель был свидетелем этих событий, разгравшихся у него на глазах, и железный режим Ришелье побудил его взывать в своей политической трагедии к неведомому во Франции милосердию»¹². Аналогичные мысли высказывает и Н. И. Балашов¹³.

Ю. Б. Виппер считает, что «центральной политической проблемой пьесы Корнеля оказывается [...] столкновение монарха, носителя самодержавной власти, и вождей аристократической оппозиции», а основную идею пьесы он определяет как необходимость примирения между монархом и феодальной оппозицией ради существования дворянского государства. Цинна же, представитель этой оппозиции, — человек идеологически и политически беспринципный: его борьбой с Августом руководят «не соображения политического характера, а мотивы чисто личного, эгоистического порядка»¹⁴.

Н. Сигал, имея в виду рационалистическую концепцию «разумной» воли и «неразумных» страстей, утверждает, что «разумным же является только сверхличный общественный долг, интересы государства. Подчинение стихийной неразумной страсти, напротив, парализует волю, лишает человека целеустремленности». Н. Сигал старается определить, каким для Корнеля должен быть идеал правления государством: это — монархия, основанная на справедливости и милосердии; а основная проблема трагедии — это соотношение гуманности и государственности, которые не являются взаимоисключающими понятиями, ибо «высшая

¹¹ S. Doubrovsky, *Corneille et la dialectique du héros*, Paris, 1963, ch. „Cinna" ou la conquête du pouvoir", p. 187.

¹² С. С. Мокульский, Корнель и его школа. — История французской литературы, А. Н., М.—Л., 1946, стр. 420, 422.

¹³ Н. И. Балашов, Пьер Корнель, М., 1956.

¹⁴ Ю. Б. Виппер, Пьер Корнель. — Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII в., М., 1954, стр. 326—327.

государственная мудрость — это человечность, справедливость и милосердие. Автор не отказывается от мысли, что трагедия написана в связи с восстанием 1639 года и является «скорее преподнесенным в осторожной форме уроком, советом, пожеланием» кардиналу Ришелье¹⁵.

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на трагедию как на произведение, в котором получили отражение широкие, очень важные, общие, а не частные исторические проблемы.

Современников Корнеля интересовали вопросы политики и государства. Особенно оживленно обсуждались вопросы, связанные с укреплением абсолютной власти короля и с политическим курсом страны, проводимым кардиналом Ришелье. Было много сторонников и еще больше противников этого курса. Деятели литературы также не оставались в стороне. В письмах Шапелена, Бальзака и других писателей неоднократно наряду с литературными вопросами обсуждаются и политические. Только в течение двух лет (1631—1632) во Франции были изданы 4 книги, касающиеся вопросов о государстве, государе, о принципах управления, об особенностях и организации государственного аппарата.

Автор книги «Государь» (1631) Гез де Бальзак произносит длинный панегирик правителю, который должен властвовать самостоятельно и держать всех в повиновении. Он должен проявлять максимальную политическую активность, быть бдительным, отважным, терпеливым. Ему должно быть все под силу, но исполнять он должен только то, чего требует долг¹⁶. Карден Лебре в 1632 году написал книгу «О верховной власти короля, о его домене и его короне». Власть короля подчиняется только воле божьей, а законы в королевстве могут издаваться только одним королем. Автор книги касается также судебных и финансовых проблем¹⁷. Жан Сильон в книге «Государственный министр и настоящее применение современной политики» развивает мысль о том, что деятельность министра должна опираться исключительно на интересы государства и государя¹⁸. А книга Филиппа де Бетюна «Государственный советник» (1632) является как бы пособием для государя в вопросах управления¹⁹.

Все эти и другие политические трактаты создавались под влиянием политических трактатов XVI века, которые в свою очередь испытали в большей или меньшей степени влияние работ античных авторов. Между трактатами того века, имевшими большой резонанс, следует отметить прежде всего произведения Николо ди Бернардо Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (опубликованы в 1531 г.) и «Государь» (написан в 1513, а опубликован в 1532 году). Мечтая о национальном единстве Италии, Макиавелли полагает, что централизованное государство должно быть создано на почве разума и опыта. Право должно опираться на силу, политика освободиться от морали. Только неограниченная диктаторская власть государя может создать централизованное государство. Ради достижения этой цели оправдываются любые средства.

Приблизительно в то же время Клод де Сейсель создает свои книги о монархии. Он поддерживает идею о создании могущественного французского государства под неограниченной властью короля. Но его

¹⁵ Н. Сигал, Пьер Корнель (1606—1684), М., 1957, стр. 55, 58, 59.

¹⁶ J. L. Guez de Balzac, Le Prince, Paris, in 4°, 1631.

¹⁷ Cardin Lebre, De la souveraineté du roi, de son domaine et de sa couronne, Paris, in 4°, 1632.

¹⁸ Jean de Silhon, Le Ministre d'Etat avec le véritable usage de la politique moderne, Paris, in 4°, 1631.

¹⁹ Philippe de Béthune, Le Conseiller d'Etat ou recueil général de la politique moderne, Paris, in 4°, 1632.

взгляды, по сравнению со взглядами Макиавелли, гораздо умереннее. В своей книге «Великая Французская монархия» (1519) он говорит, что правление государством должно быть абсолютным по принципу, но умеренным на практике. Власть короля должна быть ограничена тремя силами: религией, справедливостью и совокупностью основных законов.

Жан Боден, энциклопедический ум XVI века, создает стройную теорию о государстве («Республика», 1576). Он выступает против Макиавелли, а иногда и против Аристотеля (в частности, по вопросу о рабстве). Он говорит о семье и ее роли в государстве, о формах управления, о провинциальных и генеральных штатах, о революциях, о климате и его воздействии на государственный строй. Цель государства в том, чтобы облегчить удовлетворение нужд и выполнение обязанностей. Боден выступает за авторитет власти. Из трех форм государственного управления он выбирает монархию, но требует многих гарантий против королевского деспотизма. Он говорит, что все способы правления одинаково хороши, если они опираются непосредственно на обычаи, на соответствующую почву.

«Политическое завещание» (написано ок. 1638 г.) Ришелье не является чем-то неожиданным, оригинальным и исключительным: идея абсолютной монархии и авторитета власти встречается у Сейселя, Бодена, Г. Бальзака и других; Ришелье, как и Сильон, государственные интересы ставит в основу политической деятельности и т. д. и т. п. Но сочинение Ришелье привлекает наше особое внимание потому, что оно написано государственным деятелем, в течение многих лет осуществлявшим на практике заложенные в нем идеи. Мог ли Корнель познакомиться с этим документом первостепенной важности, заимствовал ли он какую-нибудь фразу из «Политического завещания» или из другого трактата, не представляет для нас интереса. Важно то, что он воспринимал политическую действительность своей эпохи через все эти теории и, в частности, в свете политических идей Ришелье, который проводил их в жизнь с последовательностью и твердостью, поражающей современников. Мы не станем утверждать, что Ришелье был вдохновителем корнелевской трагедии, или что трагедия была написана по заказу кардинала, хотя в «Посвящении» трагедии «Гораций» Корнель прямо говорит, что изменением в творческой манере он обязан кардиналу, великие идеи которого вдохновляют поэта²⁰. Важнее показать идейную близость политического трактата Ришелье и художественного произведения Корнеля.

II

Приход Ришелье к власти (1624) совпадает с усилением сопротивления аристократии возрастающему авторитету короля. После смерти Генрика IV (1610) один аристократ сказал: «Времена королей кончились, приходят новые времена — принцев и грандов»²¹. За этими принцами и грандами стоит целая армия феодалов — 70 000 сеньоров феодалов²², которые в первые десятилетия XVII века еще представляют собой грозную силу — в их руках замки с пушками, им подвластны суда, иногда в их руках даже чеканка монет. С 1614 по 1620 год произошло по крайней мере 5 бунтов грандов. Заговоры и бунты не прекращались и после 1624 года.

²⁰ Op. cit. Oeuvres de P. Corneille, t. III, p. 259.

²¹ Цит. по: P. Erlanger, Louis XIII, Paris, 1946, p. 66.

²² Данные по: E. Péclin, V.—L. Tapié, Le XVII siècle, Paris, 1943, p. 134.

С другой стороны, приход Ришелье к власти совпадает с политическим укреплением положения буржуазии, расширением капиталистических отношений не только в городах в области промышленности, но и в деревнях в области сельского хозяйства; земля переходит в руки чиновников из городов и других зажиточных слоев населения²³. Иными словами, когда «из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии»²⁴.

Движение крестьянских масс после временного затишья (1602—1616 гг.) вновь дает о себе знать в 1616—1618 гг., а также в 1623—1624 гг. и позже²⁵. Но народные восстания, не имевшие определенной программы, были стихийными, обычно без идейного руководителя, и в некоторых случаях использовались аристократией. Случалось, что крестьянские бунты сливались с городскими волнениями. Некоторые крестьянские восстания имели антифеодальный характер, некоторые были направлены против городской буржуазии (в основном против сборщиков налогов).

Ришелье приходит к власти в тот исторический момент, когда буржуазия приобретает все больший политический и экономический вес в классовом строении государства за счет прав аристократии. Феодальному государству оба класса были нужны, так как в руках аристократии была шпага, военная оборона страны, в руках буржуазии — деньги, финансовые ресурсы страны. Но тем не менее интересы аристократии шли вразрез с интересами буржуазии: первая тянула страну к феодальной раздробленности, к номинальной власти короля, к бесправию третьего сословия, в то время как вторая нуждалась в порядке в стране и защите от феодального насилия.

Объединить интересы можно было только выдвигая нечто высшее, чем интересы каждого отдельного класса. Это было государство — l'Etat, которое рассматривалось, как некая надклассовая сила. Оно должно было воплощать всеобщее благо — le bien public и защищать его.

Процесс укрепления абсолютной монархии с особенной быстротой проходит после Религиозных войн во Франции (1562—1593 гг.), которые привели в упадок экономику страны и дезорганизовали государственный аппарат. В начале XVII века идея абсолютной монархии возникает как реакция на хаотическое состояние страны в экономическом, политическом и культурном отношении. К. Маркс писал, что «в больших государствах Европы абсолютная монархия выступает... как объединяющее начало общества»²⁶, и именно в тот исторический момент, когда феодальные сословия приходят в упадок и формируется класс буржуазии и «когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»²⁷. В такие исторические периоды, хотя и в виде исключения, случается, что «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»²⁸.

Кардинал Ришелье видел свое призвание в том, чтобы «навести порядок» в стране и укрепить французское государство. Свою теорию

²³ Т. М. Червоная, Экспроприация крестьянства на юге Парижского района в последней трети XVI и в XVII вв. — Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв., М., 1960.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, М., т. 4, 1955, стр. 306.

²⁵ О восстаниях крестьян см.: Б. Ф. Поршнев, Народные восстания во Франции перед Фрондой, М.—Л., 1948.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 431.

²⁷ Там же, т. 4, стр. 306.

²⁸ Там же, т. 21, стр. 172.

организации государства он изложил в «Политическом завещании», где общие положения тесно переплетаются с практическими соображениями, касающимися управления в конкретной исторической обстановке.

Личность кардинала Армана-Жака дю Плесси, барона де Люсон, а впоследствии герцога де Ришелье (1585—1642) больше всего подходила к этой задаче. Мыслитель — логичный и последовательный в своих суждениях, политик ясного ума и лишенный предрассудков, человек сильной воли, кардинал Ришелье, аристократ по происхождению, принадлежал к первому сословию Франции — духовенству. Защищая в основном интересы двух первых сословий, в практической деятельности он опирался на буржуазию, как впоследствии это делал и Людовик XIV, и в известной мере подвергся влиянию буржуазной идеологии²⁹. Ришелье был ярким представителем того умственного и философского движения, которое впоследствии получило название рационализма. Таким образом Ришелье, ничуть не лицемера, мог утверждать, что заботится о всеобщем благе, тем более, что он неоднократно говорил и о положении крепостного крестьянина, в отношении которого он старался применить политику равновесия: заставлял его не только работать и повиноваться, но и защищал его, чтобы не довести до крайней бедноты.

То, что «Политическое завещание» было написано под руководством, контролем и редакцией кардинала, в настоящее время можно считать доказанным. Это сочинение, так же как и «Мемуары», может быть использовано для изучения политических взглядов и программы Ришелье³⁰.

В начале «Политического завещания» высказано основное положение Ришелье, которое как бы суммирует весь предыдущий период до его прихода к власти, — шаткое положение королевской власти и ее авторитета. Основная причина такого положения — предпочтение личных расчетов государственным: «Я еще могу сказать, что союзами с иностранными державами пренебрегали, частные интересы предпочитались общественным, — словом, достоинство королевского величества не соответствовало тому, чем должно было быть, и принижено было теми, кто в основном правила тогда вашими делами...»³¹.

Ришелье сразу определяет направление проводимой им политики. Во-первых, возвеличение французского государства относительно других стран, то есть укрепление его внешнеполитического значения. Во-вторых, укрепление авторитета короля, иначе говоря, объединение, внутреннего организация страны и централизация власти. Укрепления внешнеполитического авторитета Франции можно было достичь после благополучного решения внутренних проблем. В практической деятельности это означало уничтожение политической силы гугенотов, которые составляли как бы независимое государство внутри Франции, и их подчинение единому государству, а также снижение роли грандов во внутренней политической жизни Франции. «Я обещал (вашему величеству) применить всю находчивость и всю полноту власти, которую вашему величеству угодно было мне дать, дабы сокрушить партию гугенотов, унижить высокомерие грандов, заставить всех подданных выполнять

²⁹ О Ришелье, как родоначальнике меркантилистической политики, и вообще о его экономической деятельности см.: Н. Hauser, *La pensée et l'action économique du Cardinal de Richelieu*, Paris, 1944.

³⁰ См.: Л. П. Калущая, *Политические идеи кардинала Ришелье*, Харьков, 1951, а также L. André, „Introduction“, *Testament politique du Cardinal de Richelieu*, Paris, 1947.

³¹ *Testament politique*, p. 94.

соответствующие их положению обязанности и возвеличить Ваше имя среди других государств»³².

Проанализировав внешнеполитические вопросы и события (*Succincte Narration des grandes actions du roi*), Ришелье переходит к анализу внутриполитических вопросов. Интересна его мысль об обязанностях подданных и об отношениях между ними. Вся третья глава первой части отведена анализу социально-экономического положения аристократии, которую он называет одним из основных «нервов» государства. Ришелье приходит к выводу, что государство должно обеспечить материальное существование аристократии за службу в армии и при дворе. Образно говоря, Ришелье отбирает шпагу, которая была традиционным символом чести и свободы аристократии; шпага теперь означает военную мощь и величие государства.

Ришелье обеспокоен финансовыми махинациями налоговщиков и других финансовых чиновников, из-за которых беднеет аристократия: «Роскошь и чванство одних порождают трудности других, которые богаты только храбростью.»³³ С другой стороны, Ришелье обеспокоен отношением аристократии к народу, которое принимает иногда форму открытого насилия и грабежа: «Обычный недостаток родившихся в этом сословии то, что они употребляют насилие по отношению к народу, которому, как кажется, бог дал руки скорее для того, чтобы зарабатывать на свою жизнь, чем ту жизнь защищать»³⁴.

Отсюда Ришелье так определяет задачи государства: «Одно из его самых важных достоинств — предоставить возможность каждому заниматься тем делом, к которому он способен»³⁵. Обязанность монарха в том, чтобы всем обеспечить безопасность под сенью закона, как тем, в чьих руках нет оружия, так и тем, в чьих руках оно имеется»³⁶.

В исторически необходимом компромиссе двух классов монархическая власть приобретает особое значение и предъявляет свои требования. Первое и главное из них обращено к аристократии, к классу, теряющему свою былую политическую и моральную силу; а выражается это требование очень просто: повиноваться! Это означало: признание новой силы на политической арене страны, а вместе с тем признание новых моральных основ поведения: «Нужно ее (аристократию) дисциплинировать так, чтобы она смогла заново приобрести и сохранить свое исконное доброе имя и полезно служила государству»³⁷. Благородное происхождение для Ришелье представляется скорее обязанностью, чем привилегией: «Дворяне заслуживают достойного обращения, когда они хорошо поступают, но нужно быть твердым по отношению к ним, если они не выполняют то, к чему обязывает их благородное происхождение»³⁸. Дворянскую честь кардинал понимает как долг по отношению к государству и повиновение ему; выражением воли государства является персона короля, трон: «ваша власть должна быть превыше всего, чтобы сохранить порядок и дисциплину, без которых государство не может существовать»³⁹. Каждый подданный, каждая душа нужны государству, а тем самым и всему обществу, а каждый член общества со своей стороны сначала должен служить государству и обществу, а потом только принадлежать самому себе.

³² Testament politique, p. 95.

³³ Ibid., p. 358.

³⁴ Ibid., p. 219.

³⁵ Ibid., p. 358.

³⁶ Ibid., p. 219.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid., p. 228.

Именно под таким углом зрения Ришелье рассматривает дело о дуэлях. Назвав манию дуэлей «бешенством», Ришелье напоминает Людовику XIII, что «короли возведены на престол для сохранения, а не для потери подданных, поэтому могут рисковать их жизнью только ради пользы общества или при крайней необходимости»⁴⁰.

Дисциплина для Ришелье означает порядок (*ordre*), а порядок в свою очередь является необходимым условием единства (*unité*). Единство — это фундамент, над которым строится сильное государство, способное решать внешние и внутренние дела. Только будучи таким оно становится *autorité* — авторитетом и силой, обеспечивающими порядок. С другой стороны, дисциплина означает полную передачу государству военной мощи, ранее принадлежавшей аристократии. В этом суть приказа об уничтожении аристократических замков, не имевших большого военного значения для защиты государства.

При укреплении абсолютизма не только аристократия должна была жертвовать своими привилегиями и свободами, но и буржуазия со своей стороны должна была от многого отказаться ради государства, и в первую очередь жертвовать огромные количества денег в виде займов государству. За это абсолютная монархия обещала порядок, в котором нуждалась буржуазия. Правда, иногда эти займы были принудительного характера, иногда они просто назывались «даром» (*don*) и государством не оплачивались. Сам Ришелье считал, что подобное присвоение богатств буржуазии государством вполне в порядке вещей. Способ, которым финансовые чиновники стали владельцами больших богатств, кардинал называет просто воровством. Считалось, что против них можно применить силу, тем более, что казна государства постоянно нуждалась в деньгах для экстраординарных расходов, т. е. для ведения войны, сначала внутренней, а потом и внешней: сначала с гугенотами, потом с Испанией.

Кроме исторических, экономических и политических проблем, в «Политическом завещании» рассматриваются и эτικο-моральные вопросы. По мнению Ришелье, основой благополучного существования государства является установление божественной власти, и следовательно: правление государством должно совершаться по правилам, продиктованным разумом⁴¹. Бог создал человека разумным, следовательно, человек должен всегда и все делать в соответствии с разумом, в противном случае он пошел бы против своей природы и против своего создателя. Чем выше в обществе стоит человек, тем больше все его поступки должны опираться на разум, тем больше сам он должен быть подвластен только голосу ума, здравому смыслу (*raison*). И в практической жизни такой человек должен руководствоваться тем, чтобы «ничего не требовать, что было бы не умно и не справедливо», «ничего не требовать такого, что невозможно выполнить, и чтобы за приказанием всегда следовало повиновение»⁴². Государи (*princes*) особенно обязаны соблюдать эти правила, так как они стоят у источника правления. Разумные решения влекут за собой и справедливость, а потому разум и справедливость должны быть нераздельны. Личные расчеты и чувства, пристрастие недопустимы при управлении государством, так как они приводят к ошибкам: «Если верно, что разум должен быть факелом, который освещал бы государей в их правлении государством, то тем более верно, что ничего нет в мире более несовме-

⁴⁰ Testament politique, p. 225—226.

⁴¹ Ibid., p. 325.

⁴² Ibid.

стимого с этим, как пристрастие, которое иногда настолько ослепляет, что тень принимается за тело [...]. Часто приходится горько сожалеть о том, что пристрастие заставило действовать необдуманно, и никогда не приходится сожалеть, когда решение принималось в соответствии с разумом»⁴³. Подданные охотно подчиняются в том случае, если государь умен, справедлив, тверд и постоянен в своих решениях и поведении. Все действия тех, кто управляет государством, должны быть направлены на защиту блага общества: «Благо общества должно быть единственной целью тех, кто управляет государством,— во всяком случае его нужно предпочитать личным интересам»⁴⁴.

Благо общества — то же, что и государства. По мнению Ришелье, государство полностью должно быть подчинено обществу, оно является как бы материальным, осязаемым выражением общества. Государь — это то лицо, через которое государство воплощается в живые действия. Это лицо может поступать двояко: его действия, как действия частного индивидуума, и его деятельность, как выражение того, что определяется словом «государство», т. е. деятельность ради общественного блага. Именно к королю, как к такому «двуликому» человеку, обращены следующие слова Ришелье: «Невозможно представить себе то благо, которое государь и те, кто ему служит в его делах, могут принести, если добросовестно руководствуются этим принципом, и также нельзя себе представить того зла, которое может случиться с государством, когда частные интересы преобладают над общественными»⁴⁵.

Твердое желание и непоколебимая воля служить на благо общества — самое ценное качество любого человека, а в особенности государя. Желание и воля являются залогом удачи предпринимаемого дела.

Умение быть твердым должно сочетаться с умением быть справедливым: знать, как вознаграждать и как наказывать. Ришелье на первое место ставит наказание⁴⁶. Оно не обязательно должно быть суровым, но обязательно должно выполняться, как любой приказ: «Распоряжения и приказы совсем не нужны, если они не выполняются»⁴⁷.

На плечах государя лежит одна особенно трудная задача: защита интересов общества. Если он не умеет защищать их, то совершает преступление. Это дело трудное еще и потому, что государь, как частное лицо, может прислушиваться к голосу масс или к голосу отдельных заинтересованных лиц, или даже к голосу своих пристрастий; в этом случае он может стать мягким, нерешительным, что, конечно, ему не простительно: «Нет большего преступления против интересов общества, чем снисходительность по отношению к тем, кто их нарушает»⁴⁸.

«Когда речь идет о государственном преступлении, следует закрыть дверь сожалению, пренебречь жалобами затронутых лиц и разговорами нежесточивой черни, которая иногда хулит то, что ей больше всего нужно и часто совсем необходимо»⁴⁹.

Государство дано богом,— пишет Ришелье,— разумным людям для всеобщего блага, и потому у государя чувство должно подавляться сознанием или подчиняться ему. Особенно это следует иметь в виду при прощении и наказании. Так возникает понятие, обычно переводимое «государственной необходимостью» (*Raison d'Etat*). Личные пристрастия могут привести к заблуждению, к неправильным решениям; соображе-

⁴³ Testament politique, p. 326.

⁴⁴ Ibid., p. 330.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid., p. 338.

⁴⁷ Ibid., p. 343.

⁴⁸ Ibid., p. 340.

⁴⁹ Ibid., p. 342.

ния государственной необходимости, основанные на разуме, исключают подобного рода ошибки.

Здравый смысл должен управлять нашими чувствами так, чтобы они стали подвластны первому и в конце концов стали страстью ума, которая диаметрально противоположна пристрастию. Преобладание пристрастного начала у государя ведет не только, как мы уже видели, к невыполнению обязанностей, которые налагает управление государством, но и к другой крайности, к политической несправедливости. А именно, когда государь судит, подчиняясь только своему чувству, а не разуму, он становится тираном, ибо государство для него перестает быть учреждением, охраняющим интересы общества, а как бы личным достоянием. Таким образом, тирания для Ришелье является несправедливостью, совершаемой именем государства ради удовлетворения личной прихоти⁵⁰. Клеветники, льстецы, фавориты, которые стараются тем или иным способом воздействовать на государя, очень опасны, так как превращают государя в игрушку или в тирана. Одна из максим кардинала гласит: «Если те, которые незаслуженно имеют свободный доступ к ушам королей, являются опасными, то тем более опасны те, кто из чистого расположения к ним владеют его сердцем»⁵¹.

Настоящее мужество — это умение управлять собою силой воли и разума. Высшая степень мужества — умение полностью посвятить себя делу разума, делу государства, делу родины. Слово «родина» (*patrie*), редко употреблявшееся раньше, все чаще и чаще начинает встречаться под пером Ришелье и особенно у его единомышленников⁵². Кардинал учит Людовика XIII: «Нужно иметь мужественную доблесть и все нужно делать, следуя здравому смыслу, не разрешая себе поддаваться своим привязанностям, которые часто уносят государей к большим пропастям»⁵³. Таким образом, государь или любой государственный деятель не должен считать себя частным лицом и погому не должен иметь личных врагов»⁵⁴.

Только целиком сознавая свою ответственность, героическим усилием воли, отказавшись от собственного я, можно надеяться на то, что трудности будут преодолены и государь достигнет самого высшего: будет владеть собою и обстоятельствами. «При желании королей, как и при божьей воле, даже в самых трудных случаях хотеть и сделать — есть одно и то же»⁵⁵. Полный отказ от себя и всецелое посвящение себя служению делам общества возвышают человека, облагораживают его и придают смысл его жизни: «(пусть) не будет дня в моей жизни, когда я не старался бы вспомнить то, что должен буду иметь перед глазами в час смерти моей по поводу общественных дел, бремя которых выпало на мою долю»⁵⁶.

III

Корнель написал «Сиду», «Горация» и «Цинну» в то время, когда Ришелье находился в апогее власти.

⁵⁰ Testament politique, p. 344.

⁵¹ Ibid., p. 274.

⁵² H. Carré, La jeunesse et la marche au pouvoir de Richelieu, Paris, 1944, p. 204.

⁵³ Testament politique, p. 276.

⁵⁴ Примером может быть сам Ришелье. Он писал 27 февраля 1630 года Бутилье (отцу Жозефу): «Быть мишенью для всего мира ради службы королю — это слава. Милостью бога, меня утешает то, что я не имею ни одного личного врага, и если я когда кого обидел, то только ради служения государству, и в этом я никогда не уступаю, что бы со мной ни случилось».

⁵⁵ Testament politique, p. 276.

⁵⁶ Ibid., p. 454.

Сюжет «Сида» почерпнут из истории Испании XI века, то есть того времени, когда начинается расцвет феодализма. Главные герои — Родриг и Химена — представители родовитой аристократии. Основные вопросы, вопросы чести и любви, преподносятся в аристократическом духе на фоне старых традиционно-консервативных отношений. «Гораций» — это новая ступень в корнелевском театре. Выбрав сюжет из истории древнего Рима, автор открыл себе возможность более обобщенно выразить дух гражданственности, а в эпоху Ришелье это означало ответственность за личное поведение и свои поступки перед государством, а не перед традицией, как в «Сиде», ответственность за судьбы города, т. е. страны, и сограждан. Вопрос чести понимается не как частное дело отдельной личности, его же честь зависит от славы его родного города Рима, т. е. своей страны. Трагедия «Цинна» — это новая ступень корнелевского театра по сравнению с «Сидом» и «Горацием». Основное внимание здесь концентрируется на столько на проблемах личности, сколько на проблемах государства, не столько на отношении личности к государству, сколько на отношении государства к личности.

Если сравнить художественные особенности «Сида» и «Цинны», можно также увидеть большой сдвиг в творчестве Корнеля. Нагроможденный сценическими эффектами (пощечина Дону Дьегу и др.) и «событиями на четыре месяца»⁵⁷, «Сид» еще носит на себе печать первых произведений Корнеля; две дуэли в «Сиде» напоминают двойной замысел убийства в «Клитандре»⁵⁸, а появление мавров так же неожиданно, как магия в комедии «Забавное недоразумение». «Цинна» — одна из самых простых по сюжету трагедий Корнеля, где, за исключением появления Максима, нет никаких „coups de théâtre“, внешних эффектов действия.

Но еще больше «Цинна» отличается от предыдущих трагедий по идейному замыслу. В этой трагедии на первом месте стоят проблемы общегосударственные.

Искусство древнего Рима, как и древней Греции, для многих людей XVII века — образец, достойный подражания. Уже целое столетие во французской литературе утверждался культ древних. Трагедия и комедия — основные литературные жанры XVII века — уже в третьем десятилетии усваивают классические «правила». Классика торжествует во всех видах искусства. То же наблюдается и в области политики. В истории древнего Рима XVII век видел все основные формы правления государством. Величие и могущество Римского государства связывались с эпохой первых императоров. Проводились параллели между римской империей и абсолютной монархией во Франции. Во французской монархии видели своеобразное повторение Рима августовских времен.

Итак, образ римского императора как нельзя лучше подошел для задуманной Корнелем цели: осмысления долга гражданина по отношению к государству, и отношения государства к подданному. Август в данном случае является воплощением идей абсолютизма.

⁵⁷ А. С. Пушкин, Набросок предисловия к «Борису Годунову». — Полное собрание сочинений в 10 томах, М.—Л., 1951, т. VII, стр. 374.

⁵⁸ Кроме замысла двойного убийства, в «Клитандре» показана попытка изнасиловать девушку, которая головной шпилькой выкалывает глаз насильнику. Насилие и убийство часто встречались в пьесах начала XVII века. Их не избежал и Арди («Hospitalité violée»), а другие показывали целую резню на сцене, напр., в трагедии «Alboin» Nicolas des Croix (1608) погибают все, даже принцесса Роземонда, которая убивала своих мужей руками любовников.

Трагедия «Цинна» построена на постоянном столкновении двух противоположных политических точек зрения. С одной стороны ярко выражена идея тираноборства, с другой — идея необходимости единоличной власти.

Как же представляется Корнелю тот период истории Рима, который предшествовал провозглашению Октавиана императором Августом? Внутренние распри и войны Римской республики напоминали недавние религиозные войны во Франции XVI в. Об этих событиях римской истории Корнель говорит дважды: в первом акте словами заговорщика Цинны, в четвертом — словами императора Августа, осуждая в обоих случаях беспорядок и внутренние войны⁶⁰.

Цинна и другие заговорщики в Августе видят стремящегося к власти Октавиана, наследника и продолжателя гражданских войн. В первых актах трагедии он постоянно называется именем тирана, покушающегося на закон и законность, на установленный порядок. Ришелье, как видели, называет «тиранией» использование власти ради собственных корыстных целей. Корнель же тираном называет того, кто стремится к власти из-за высокого положения и почестей, кто насильем, жестокостью, несправедливостью добивается власти, кто из-за пролитой крови не имеет права называться человеком, кто причиняет страдания народу и стране⁶¹. Цинна организует заговор, желая освободить страну от этого ига тираннии.

Каждый из заговорщиков имеет еще свои особые причины ненавидеть Октавиана-Августа. Эмилия его ненавидит потому, что он убил ее отца, — это личный враг ее семьи. Для Цинны Октавиан-Август является врагом рода: от рук Цезаря, приемным сыном которого был Август, погиб великий Помпей и его сын Кней Помпей; от руки Августа погиб другой сын великого Помпея — Секст. Цинна был внуком великого Помпея и племянником двух других. Зато заговор является не только освобождением от тираннии, но и мщением.

Отомстить тирану, убить Октавиана Эмилия, Цинна и другие персонажи трагедии считают своим гражданским долгом. Небо в руки заговорщиков вложило судьбу Рима, и его спасение зависит от гибели одного человека, говорит Цинна при первом же появлении на сцене⁶². После смерти Октавиана Рим возродится, и заговорщики будут достойны называться настоящими римлянами, если иго, гнетущее Рим, будет разбито их руками⁶³. В дальнейшем еще не раз будут звучать такие изречения, как эти фразы, сказанные Эмилией: «Сердце меньше избегает смерти, чем стыда быть рабом»⁶⁴; «О, свобода Рима, о душа покойного отца, я сделала все, что могла: против вашего тирана объединила его друзей»⁶⁵. Следует отметить, что гражданственность

⁶⁰ Je leur fais des tableaux de ces tristes batailles

Où Rome par ses mains déchirait ses entrailles... etc. I, III, v. 177 et suiv.

Songe aux fleuves de sang où ton bras s'est baigné... etc. IV, II, v. 1132 et suiv.

⁶¹ Cette grandeur sans borne et cet illustre rang

Qui m'a jadis coûté tant de peine et de sang... etc. II, I, v. 359 et suiv. ... Toutes ces cruautés...

Sont les degrés sanglants dont Auguste a fait choix

Pour monter dans le trône... etc. I, III, v. 215 et suiv.

Si l'on doit le nom d'homme à qui n'a rien d'humain,

A ce tigre altéré de tout le sang romain. I, III, v. 167—168.

⁶² Le ciel entre nos mains a mis le sort de Rome... etc. I, III, v. 165 et suiv.

⁶³ Avec la liberté Rome s'en va renaitre,

Et nous mériterons le nom de vrais Romains... etc. I, III, v. 226 et suiv.

⁶⁴ Il [le cœur] fuit plus que la mort la honte d'être esclave, III, IV, v. 981.

⁶⁵ O liberté de Rome! ô mânes de mon père!

J'ai fait de mon côté tout ce que j'ai pu faire:

Contre votre tyran j'ai ligué ses amis. IV, IV, v. 1305 et suiv.

заговорщиков — это гражданственность особого порядка. Это долг отдельной личности, отдельного лица. Каждый заговорщик стремится к славе Брута, чтобы он, а не другой нанес первый удар по Августу⁶⁶. И если они объединяются в союз, то это происходит потому, что осуществить убийство не под силу каждому в отдельности. Забота о собственной мести еще больше подчеркивает личную ответственность: каждый старается превзойти других, получается что-то вроде соревнования. Это очень напоминает героически воспламенившегося Сиды, а также аристократов XVII века, когда они боролись против утверждения абсолютизма каждый в отдельности. Они старались показать свои аристократические доблести, а если объединялись, то временно, в быстро распадающиеся военные союзы.

Гражданственный пафос заговорщиков опирается на твердую уверенность, что они правы. О юридической законности власти Августа говорит Цинна в первой сцене второго акта. На вопрос Августа, как поступать: отказаться ли от престола или оставаться императором, — Цинна отвечает, что не следует отказываться от того, что получено законным путем. Август унаследовал императорский престол от Цезаря, а тот стал властелином Рима по праву завоевателя (*par le droit de la guerre*). Но весь вопрос заключается в том, как считать, имел Цезарь на это право, или не имел. А следовательно, осудить его или оправдать, опираясь на законность права завоевателя. Цинна не высказывает своих собственных мыслей, он предоставляет решить этот вопрос самому Августу. И тут же делает намек на Брута. Если юридическую сторону вопроса Цинна оставляет на совести Августа, то морально заговорщики считают себя правыми. Борьба против Октавиана-Августа — это борьба за дело общества. В первом акте отказ от заговора для Цинны — предательство (*trahir... la cause publique*), благо общества — выше императорского престола, и заговор является средством спасения общества. Эмилия воодушевляет Цинну на заговор, сравнивая его подвиг с доблестными поступками знаменитых римлян. Она советует идти туда, где ожидает его слава⁶⁷. Наконец, сам Август, вспоминая дела своей молодости (а на это постоянно ссылаются заговорщики), признает правоту заговорщиков: за его вероломство другие платят ему таким же вероломством; предательство заговорщиков оправдывается небом⁶⁸. Таким образом, сам Октавиан-Август в четвертом акте морально оправдывает не только заговор, но и поведение Цинны, который во втором акте советовал Августу остаться на троне. С другой стороны, Эмилия говорит, что любые дары и благодеяния тирана не должны подкупать честное сердце, от них нужно отказаться, так как принять эти дары значит оправдать тирана и подстрекать его к новым преступлениям⁶⁹. В другом месте Эмилия заявляет, что коварство благородно по сравнению с тиранией⁷⁰.

Но кроме тираноборческих мотивов, которые звучат преимущественно в рассуждениях заговорщиков, в трагедии ярко выражен и другой мотив: необходимость порядка, внутреннего мира и авторитета власти в государстве.

О внутреннем мире несколько раз говорит сам Цинна: чрезмерная свобода и отсутствие государственного авторитета позволяет отдельным

⁶⁶ ...chacun veut pour soi

L'honneur du premier coup... I, III, v. 243—244.

⁶⁷ Va marcher sur leurs pas, où l'honneur te convie, I, IV, v. 237.

⁶⁸ Leur trahison est juste, et le ciel l'autorise... etc. IV, II, v. 1145 et suiv.

⁶⁹ Les bienfaits ne font pas toujours ce que tu penses... etc. I, III, v. 73 et suiv.

⁷⁰ La perfidie est noble envers la tyrannie, III, IV, v. 974.

высокопоставленным гражданам развивать необузданную зависть, плести интриги, которые оканчиваются политическими группировками, междоусобными травлями, внутренней войной. Цинна перечисляет многие примеры таких беспорядков и приходит к выводу, что, во избежание гражданских войн, Рим должен быть в руках одного мудрого государя⁷¹. Здесь же Цинна говорит, что хороший государь (bon prince), если он действует разумно, а не по своим прихотям,—счастье для страны, ибо в ней воцаряется порядок. И наоборот, там, где всем доступна власть, все совершается беспорядочно (en tumulte), такое государство — самое плохое⁷². Но Цинна еще не видит в лице Октавиана-Августа такого, нужного Риму вождя или государя, а поэтому не отказывается от заговора против него, наследника гражданских беспорядков.

Зато совсем в другой роли видит самого себя Август. Правда, он признается, что когда-то был Октавианом, главой одной из враждующих групп. Но долгие годы управления страной заставили его по-другому смотреть на государственные дела, переоценить себя и свои задачи, как правителя. Об этом он говорит Цинне и Максиму, когда просит у них совета⁷³. Вместо величия, блеска, славы, Август нашел беспокойство за свою жизнь, всякого рода заботы, тысячу тайных врагов. Эти испытания и привели его к мысли: не следует ли отказаться от императорского сана? Но кроме этого личного беспокойства, Август уже думает и о другом, более важном — о судьбе Рима, т. е. государства, ради которого следует жертвовать собой⁷⁴. Первой его заботой теперь является забота о благополучии государства, которое важнее жизни. Идеи государства подчиняется сам император.

Заслуги Августа перед Римом таковы: во-первых, он восстановил внутренний мир,—прекратились внутренние распри⁷⁵; во-вторых, государство стало более могучим. Рим приобрел авторитет среди других государств; римляне же, как его граждане, пользуются моральным превосходством и материальными благами государства. Огромная заслуга в этом, как в конце трагедии признает и Цинна, принадлежит Августу⁷⁶.

Защитником абсолютной власти императора выступает Ливия, жена Августа. Когда Август предается тяжелым размышлениям о том, как поступить с мятежниками и не отречься ли от престола ради собственного спокойствия, она не советует ему отказываться от плодов стольких усилий, иначе говоря, не поддаваться чувству гнева и досады, она советует сохранить трон за собой ради Рима и поступить с заговорщиками так, как это подсказывает разум и требует выгода: прощая заговорщиков, Август укрепит свою славу, а римлян избавит от лихорадки новых заговоров и политических волнений. Но самое главное, что высказывает Ливия, это мысль о том, что надо различать поступки молодого Октавиана от деяний императора Августа. Если он и совершил преступления ради достижения власти, это были преступления человека; но теперь он император, правитель государства. Организуемое Цинной покушение на Октавиана — это личная месть за старые

⁷¹ ... en la main d'un bon chef... II, I, v. 590.

⁷² Le pire des Etats, c'est l'Etat populaire, II, I, v. 521.

⁷³ J'ai souhaité l'empire, et j'y suis parvenu;

Mais en le souhaitant, je ne l'ai pas connu, II, I, v. 371—372.

⁷⁴ Mon repos m'est bien cher, mais Rome est la plus forte... etc. II, I, v. 622 et suiv.

⁷⁵ ...l'Etat n'est plus en pillage aux armées, II, I, v. 553.

⁷⁶ II [Auguste] abaisse à nos pieds l'orgueil des diadèmes... etc., III, IV, v. 985 et suiv.

обиды, но покушение на Августа — это преступление против государства. Теперешние поступки Августа продиктованы государственной необходимостью. Более того, они не могут быть осуждены, ибо самосуществование государства обязывает совершать их. Все, что совершается ради блага государства, справедливо, т. е. необходимо, так как государство, по словам Ливии, есть дар неба. Даже полное ошибок прошлое Октавиана перед лицом настоящего оправдывается⁷⁷.

Значит, император Август — благодетель Рима и его граждан, а следовательно, это «справедливое» единовластие есть государственная необходимость и то же самое государственное благо, ради которого заговорщики хотят убить тирана. Столкновение этих двух идей — тираноборчества и единоличной власти — проявляется в столкновении героев, носителей этих идей, и во внутренней борьбе, которую они переживают. Изучив трагический конфликт «Цинны», мы поймем, почему заговор против Августа считается предосудительным и почему помилование — не акт личной чувствительности или «прихоти» Октавиана, но акт политической мудрости Августа.

Политические идеи, свою теорию государства Корнель излагает в диалогах, как бы описательным способом. Герои обмениваются мнениями о государственных строях, которые зависят от условий времени, от обычаев и нравов народа. Каждый народ принимает государство, этот «дар божий», в соответствии со своими склонностями и характером. Македонцы, например, любят монархию, греки — республику, римляне — консулат... С другой стороны, государственный строй не является чем-то вечным: со временем Рим королей стал Римом консулов⁷⁸.

Каждый герой Корнеля является носителем определенной мысли, защитником определенной теории. Это и есть, в отличие от описательного способа, другой, также характерный для Корнеля способ олицетворения авторских идей философского и политического порядка. В образе Сиды воплощается идея патриархальной обязанности по отношению к отцу и роду; старый Гораций — воплощение гражданского пафоса и ответственности; Полиевкт — бескомпромиссная преданность идее. То же и в «Цинне». Моральная или физическая победа героя означает и положительное решение провозглашаемой и защищаемой им идеи. Но корнелевский театр — не абстрактное теоретизирование, а живое отображение человеческих страстей, склонностей и судьб. И Корнель умеет убедить, потому что в одном герое он раскрывает два, часто противоречивых начала. У героя возникает внутренний конфликт, который переплетается с внутренним конфликтом другого. Это приводит к внешнему столкновению идей и характеров. Завязывается интрига. И достаточно трех-четырех действующих лиц, чтобы получить несколько вариантов исхода драмы.

Корнель излагает события в такой последовательности, что в конечном результате логично следует желаемый вывод автора. Получается как будто цепь возникающих более или менее зависимых один от другого конфликтов-вспышек и последующих за этим действий. Каждый внутренний конфликт заставляет героя после внутренней борьбы принять решение, как неизбежный вывод строго логических рассуждений.

С первой же сцены мы узнаем о внутренней борьбе Эмилии. Рационально осознанный долг перед отцом побуждает ее к мщению.

⁷⁷ *Sa mort, dont la mémoire allume ta fureur, Fut un crime d'Octave, et non de l'Empereur...* etc. V, II, v. 1607 et suiv.

⁷⁸ *J'ose dire, Seigneur, que par tous les climats Ne sont pas bien reçus toutes sortes d'Etats...* etc. II, I, v. 535 et suiv.

Этот долг осознается так сильно, что становится чем-то вроде «страсти ума». Эмилия решается на заговор против императора Августа. Но заговором руководит любимый ею человек, Цинна. Любовь к Цинне является препятствием: как-ни-как заговор — это риск, а рисковать жизнью любимого человека — мучительно тяжело. Эмилия старается преодолеть свою раздвоенность и достичь внутренней целостности. Возникает первый внутренний конфликт. Как его решит Эмилия, эта, по словам Г. де Бальзака, «восхитительная фурия»? После бурных переживаний она решает: любовь должна служить долгу, а не бороться с ним⁷⁹. Ибо такая любовь, управляемая разумом и подчиненная ему, заслуживает похвалы и становится более доблестной. Любовь как будто бы должна стать результатом умозаключения, она должна подчиниться высшему началу в человеке — уму, а не превращать сознание в хаос. Любовь, сопутствующая долгу, становится более достойной и благородной. Это — рационалистическая любовь, не признающая компромиссов и произвола чувств. Решение переходит в действие: Эмилия подстрекает Цинну к заговору.

Следующим этапом развития действия являются сомнения императора Августа. Он не знает, как поступать: отказаться от трона, ради личного покоя, или остаться императором и нести тяжкое бремя власти. Он обращается к своим близким и друзьям, как он сам их называет, и полагается на их решение своей судьбы и судьбы Рима. Обращение к Цинне и Максиму, своеобразный плебисцит, имеет такой смысл: если Август останется на троне, то уже не по праву завоевателя, не по своему собственному желанию, а по государственной необходимости, и, что не менее важно, по совету и желанию подданных. Желание власти у Октавиана, таким образом, превращается у Августа в обязанность властвовать. Порываются все нити, связывающие его с преступным прошлым. Теперь император выполняет свой долг по отношению к государству, подчиняясь как частное лицо государственной необходимости, «*Raison d'Etat*».

Тот факт, что Август остается на троне, причем с одобрения Цинны, теперь уже в новом качестве, вовлекает в новый внутренний конфликт других героев, и в первую очередь Цинну. Ведь он, предлагавший Августу остаться императором, имел в виду этическую сторону вопроса: отказываясь от трона ради счастливой жизни и личного покоя, всякий государь, и в частности Август, теряет свое достоинство, так как он отказывается от долга, к которому его обязывает его положение. Отказ означает слабость, потерю мужества, т. е. победу чувства над умом. Отказ от высокого сана означает его осквернение⁸⁰. Если Августу суждено погибнуть, то он должен умереть в величии своего долга и «властителем вселенной»⁸¹.

Совет Цинны отнюдь не противоречит намерениям заговорщиков: одно дело — личная честь Августа, которую нужно сохранить, другое — месть, которую Цинна намеревается осуществить вместе с другими заговорщиками. Честь Августа, как и честь Цинны, будут сохранены, если один стойчески перенесет все трудности, а другой исполнит то, чему обязывает его долг. Цинна хочет иметь в лице Августа достойного противника.

Но, осознав, что, в согласии с его советом, Август уже будет представлять государство, Цинна вовлечен в неожиданный для него кон-

⁷⁹ *Amour, sers mon devoir et ne le combats plus*, I, I, v. 48.

⁸⁰ *On ne renonce point aux grandeurs légitimes...* etc. II, I, v. 413 et suiv.

⁸¹ *Enfin, s'il faut attendre un semblable revers.*

* *Il est beau de mourir maître de l'univers*, II, I, v. 439—440.

фликт, ибо личные счеты и данное слово теперь расходятся с его рациональным представлением о добром государе, каким стал Август.

Цинна руководит заговором, который направлен против тирана. Цель — спасение общества от ига тирании. Цинна мстит за пролитую кровь Помпея и его двух сыновей. Наконец он дает слово Эмили отомстить за смерть ее отца. Вместе с другими заговорщиками он дает присягу быть преданным задуманному делу. Таким образом, Цинна связан словом, рукой и сердцем. Все это обуславливает его долг, выполнение которого — дело чести⁸².

Советуя Августу сохранить власть, Цинна имеет в виду нравственное достоинство Августа, как частного лица. Кроме того, он признает, что государству нужен хороший правитель. В обоих случаях из беспристрастного совета следует один и тот же вывод: Август должен оставаться на императорском троне. И теперь Цинна имеет дело уже не с тираном, а с честным человеком, пожалуй, даже с другом, в лице которого представлено благо государства. И если бы Цинна продолжал оставаться в заговоре, он был бы непоследователен в своих суждениях. Кроме того, он совершил бы преступление против государства, — ведь он сам говорил, что Риму нужен государь. Именно этим государем будет Август, а не Октавиан, то есть не тиран, не преступник, а тот новый Август, который отказался от прошлого и остается на троне только ради будущего. Государство теперь будет такое, какого желал Цинна. Неужели он пойдет против творения своих рук? Из совета Цинны и решения Августа складываются новые обязанности Цинны: помочь Августу и тем самым трудиться на благо государства. Но это диаметрально противоположно первому долгу Цинны, т. е. долгу перед заговорщиками, Эмилией и родом. Наступают мучительные переживания Цинны.

Однако перед нами переживания не слабого человека, как утверждают многие комментаторы и критики. Наоборот! Колебания Цинны передают страдание волевого человека, который сознает свою ответственность перед государством и принужден выбирать между старым, традиционным, всеми принятым понятием чести и новым понятием долга — служением государству. Своими сомнениями Цинна делится с Максимом, и у того в свою очередь возникает новый внутренний конфликт.

Максим примкнул к заговору из тех же соображений, что и Цинна: он считал, что убийство Августа освободит Рим от ига тирании, а советы Цинны Августу он воспринял просто как лесть тирану. Поэтому Цинна в его глазах оказывается обманщиком, который вступил в заговор для того, чтобы добиться склонности Эмили. Максим думает, что сам он вдвойне в дураках: из-за своей честности служить благу Рима он только помогает Цинне добиваться руки Эмили, которую он, Максим, тоже любит⁸³. Возникает вопрос: то ли и дальше оставаться честным заговорщиком и потерять надежду на любовь Эмили, то ли предпочесть любовь и порвать с заговорщиками, т. к. единственный способ добиться любви Эмили — это раскрыть заговор и погубить Цинну. Другими словами, не использовать ли ему заговор в корыстных целях, как использует его, по мнению Максима, Цинна? Следовательно, он постарается перехитрить соперника, сразить его, нечестного, таким же нечестным приемом. Именно на это и решается он, вняв Эвфорбу, после некоторых сомнений и внутренней борьбы. Предательство Макси-

⁸² Mais je dépends de vous, ô serment téméraire,

⁸³ O haine d'Émilie, ô souvenir d'un père! Etc. III, IV, v. 893 et suiv.

⁸⁴ Ils [les conjurés] servent à l'envi la passion d'un homme

Qui n'agit que pour soi, feignant d'agir pour Rome... etc. III, I, v. 717 et suiv.

ма служит завязкой нового морального и политического испытания Августа: как поступить ему с Цинной — казнить или помиловать?

Первое, что приходит Августу в голову, — его собственное прошлое. Вспоминая о нем, он не только оправдывает Цинну и заговор, но и признает, что добился трона незаконно, что Цинна хочет убить его ради счастья страны⁸⁴. Тогда следует простить Цинну и других заговорщиков. Но не будет ли прощение унижением для правдолюбцев и оскорблением для Цинны? В Октавиане-Августе кипит гнев. Он хочет казнить неповинующихся его воле, обрушить кару на их головы, но... Мстя Цинне, он еще больше укрепит за собой славу тирана, а Цинна станет еще одной жертвой его жестокости и будет украшен ореолом мученика. Смерть Цинны может стать поводом для других заговоров: Рим, как гидра — отруби одну голову, на ее месте вырастут тысячи. Во второй сцене четвертого акта идея помилования и наказания имеет личный смысл: это возмущение и гнев Октавиана, желающего проявить свою волю. «Успокойся, Октавиан, и перестань жаловаться»⁸⁵, — с такими словами император обращается к себе. И когда ни помилование, ни казнь не оказываются приемлемыми для Октавиана, он начинает думать о смерти, о самоубийстве; это самоубийство должно быть не ничтожной кончиной тирана, а высшим достоинством трагической души, находящейся в безвыходном положении, и защитой личной чести⁸⁶.

Наконец, Август возвращается к старой мысли: не отказаться ли от трона? Ведь отречение может быть наказанием для Цинны, а также завоеванием признательности и любви у недовольных⁸⁷. И только слова Ливии, что нужно беречь власть и государство, плод стольких усилий, успокаивают Августа, еще не принявшего решения. Нужно меньше слабости и меньше честолюбия, а небо подскажет решение, думает он⁸⁸. Так кончается первый этап внутренней борьбы Октавиана-Августа.

Окончательно внутренний конфликт разрешается в пятом акте, в разговоре Августа и Цинны. Первый напоминает все доброе, что он сделал для Цинны, и задает вопрос: какую цель преследовал заговор? Цинна, который уже раньше сомневался в правоте заговора, понимает свою ошибку по отношению к Августу. Единственным его оправданием может быть только месть за пролитую Цезарем и Октавианом кровь Помпея и его сыновей. Цинна объясняет, что заговор был придуман не как убийство, но как святое мщение⁸⁹. Он просит быть казненным, сознавая, что этого требуют справедливость во имя будущего и безопасность государя Августа.

Август восхищается Цинной. Теперь в лице заговорщика он видит достойного противника, соперничающего с ним в храбрости и благородстве⁹⁰. Отдавая ему и Эмилии дань уважения, Август тоже должен поступать благородно, а его решение должно быть справедливым: самообладание и беспристрастие — вот настоящая и последняя победа Августа, память о которой он хочет сохранить как пример для будущих поколений. Побеждая свой гнев и отбрасывая личные сче­ты, он разрешает все свои сомнения и принимает все бремя правления, всю

⁸⁴ *Quelle fureur, Cinna, m'accuse et te pardonne? Etc.* IV, II, v. 1150 et suiv.

⁸⁵ *Rentre en toi-même, Octave, et cesse de te plaindre*, IV, II, v. 1130.

⁸⁶ *Octave, n'attends plus le coup d'un nouveau Brute; Meurs et dérobe-lui la gloire de ta chute...* etc., IV, II, v. 1169 et suiv.

⁸⁷ *Gagnons-les tout à fait en quittant cet empire...* etc., IV, III, v. 1217 et suiv.

⁸⁸ *Le ciel m'inspirera ce qu'ici je dois faire*, IV, III, v. 1258.

⁸⁹ *Le père et les deux fils, lâchement égorgés...* etc., V, I, v. 1547 et suiv.

⁹⁰ *Tu me braves, Cinna, tu fais le magnanime*,

Et loin de t'excuser, tu couronnes ton crime, V, I, v., 1557—1558.

ответственность за государственные дела⁹¹. Совет Цинны оказался правильным. Этим совершается и новый государственный акт: Август начинает новое беспристрастное царствование, осуществляя волю государства. Помилование и наказание получают теперь другой смысл: их нельзя назвать «добрым» или «злым» поступком правителя, — они одинаково нужны в беспристрастном управлении государством. Август произносит знаменитую фразу: «Будем друзьями, Цинна»⁹², но тут же поясняет, что прощение и есть кара, так как Цинна, который ненавидит Августа, ради государственного блага должен пойти на примирение и на подчинение императору. Более того: Цинна получает консулат на будущий год — новую обязанность служить государю и государству. Август учит Цинну, чтобы тот, так же как и государь, победил в себе свой «гнев», — личные чувства, недопустимые для государственного деятеля⁹³.

Трагедия кончается победой Августа. Он властвует судьбами Цинны, Эмилии, Максима. Непокорность заговорщиков сломлена. Эмилия должна смириться: теперь и она понимает, что прежняя ее деятельность, казавшаяся ей отправлением правосудия, была преступлением⁹⁴. Максим окончательно сломлен. Моральная победа Августа, а тем же самым и основной идеи, носителем которой он является — идеи необходимости единоличной власти и беспристрастия в государственных делах, — утверждается признанием Цинны⁹⁵. Он приходит к такому заключению не потому, что принужден подчиниться насилию обстоятельств, как то произошло с Эмилией, а в силу своего внутреннего убеждения. Итак, он остается вдвойне честным: перед заговорщиками и перед Августом, в котором он сначала видел только тирана, а потом авторитет власти. В этом и заключается трагизм ситуации Цинны — он переживает тяжелое нравственное раздвоение: считая, что Август — тиран, он стал во главе заговора, а столкнувшись с Августом, начинает сомневаться, но уже не может порвать с заговорщиками из-за присяги. Цинна становится как бы мучеником чести. В семнадцатом веке, когда чувство чести ценилось превыше всего, Цинна мог быть и был только положительным героем. Примиряясь с Августом и признавая высшим авторитетом государство, он вновь приобретает цельность, вместе с тем кончаются его сомнения.

В трагедии «Цинна» Корнель показал глубокие противоборствующие тенденции XVII века, обобщив их в художественных образах. Идею укрепления государства, авторитета власти и единства страны Корнель рассматривает в таком же плане, что и Ришелье. Утверждение абсолютизма он считает необходимым для блага страны. Стремления отдельных лиц сохранить традиции, противоречащие общим задачам, по его мнению, вредны для государства. Нужно отказаться от личной выгоды, от собственного Я, ради государства, которое, таким образом, становится новым политическим и моральным фактором не только в общественных, но и в личных делах. Отказ Цинны от мести и особенно примирение с Августом, — единение всех во имя общей цели, которую осуществляет государство, управляемое абсолютным монархом. По-

⁹¹ Je suis maître de moi comme de l'univers... etc., V, III, v. 1695 et suiv.

⁹² Soyons amis, Cinna..., V, III, 1701.

⁹³ Tu trahis mes bienfaits, je les veux redoubler; Je t'en avais comblé, je t'en veux accabler... etc., V, III, v. 1717 et suiv.

⁹⁴ Je connais mon forfait qui me sembbait justice, V, III, v. 1717.

⁹⁵ O vertu sans exemple! ô élémence qui rend
Votre pouvoir plus juste, et mon crime plus grand! V, III, v. 1731—1732.

жертвовать личными интересами ради государственных — значит отречься от прежней сословной «чести» ради новых нравственных принципов.

POLITINĖ KORNELIO TRAGEDIJOS „CINA“ PRASMĖ

GVIDONAS BARTKUS

R e z i u m ė

Norint išaiškinti Kornelio tragedijos „Cina“ politinę prasmę, straipsnyje daug dėmesio skiriama absoliutizmo, svarbiausio politinio reiškinio XVII a. Prancūzijoje, charakteristikai. Dėl tos priežasties analizuojamos politinės Rišeljė pažiūros, o taip pat jo mintys apie valdovo rolę valstybėje, valstybės santykį su atskiru individu ir kt. Kadangi Rišeljė buvo svarbiausias to meto politinis veikėjas, daugiausia pasitarnavęs absoliutizmui įsitvirtinti, tai ir jo pažiūros, daugiau negu kieno nors kito, atspindėjo ne tik istorinius įvykius ir absoliutizmo įsigalėjimo procesą, bet ir padėjo idėjiškai įsitvirtinti absoliutizmui. Peržvelgus vaizduojamus „Cinoje“ įvykius, galima daryti tokias išvadas:

1. Romos imperatoriaus istorija Kornelis apibendrintai parodo absoliutinės valdžios įsigalėjimo procesą XVII a. Prancūzijoje.

2. Augusto vaidmeniu išryškina valdovo rolę valstybėje, jo santykį su pavaldiniais bei teisingumo principus.

3. Cinos asmeniu paaiškina, kaip atsisakoma senų autoritetų, tradicinių moralinių principų ir kaip aukščiausiu autoritetu pripažįstama bešališka valstybė.

4. Pagaliau sukilėlių „pasigailėjimo“ aktas — tai ne asmeninis Augusto žestas, o Augusto—valdovo, nugalėjusio bet kokį jausminį pradą savyje, politinis aktas, kilęs iš Raison d'Etat ir įvykdytas vardan valstybės reikalų, valstybės vardu ir valstybės naudai; tai ne „pasigailėjimas“ jausmine prasme, o „nubaudimas“, sutaikant priešininkus valstybės interesų labui.

Visa tai rodo, kad Rišeljė „Politinio Testamento“ ir Kornelio „Cinos“ idėjinis giminingumas labai ryškus.

LE SENS POLITIQUE DE LA TRAGÉDIE DE CORNEILLE „CINNA“

GVIDONAS BARTKUS

R é s u m é

Les problèmes du pouvoir absolu du XVIIe siècle sont le point de départ qui servent à résoudre les questions politiques dans „Cinna“.

Le Cardinal de Richelieu joue le rôle le plus remarquable dans la vie politique pendant une vingtaine d'années de la première moitié du XVIIe siècle. Voilà pourquoi a été consulté son „Testament politique“ pour soutenir cette thèse. Les idées qui sont mises en relief sont surtout celles qui concernent la théorie d'Etat, l'autorité du pouvoir, le rôle d'un prince, les problèmes de l'aristocratie et de sa discipline, les rapports

entre les ordres, les rapports entre l'Etat et l'individu ainsi que l'exigence d'être loyal envers l'Etat.

Ce qui concerne la tragédie de Corneille c'est avant tout le choix du sujet qui est à souligner. L'histoire des premiers empereurs romains aide à montrer en général le processus historique de l'affermissement du pouvoir absolu au XVIIe siècle. Autour de la personne d'Auguste sont concentrés les problèmes suivants: le prince et le pouvoir, le souverain et ses sujets, les principes de la justice. Cinna, commence à douter de l'autorité de la tradition, jusqu'au refus de la vengeance, et son consentement à se soumettre à la volonté du souverain signifie qu'il reconnaît la nouvelle autorité, celle du souverain qui n'est que l'expression de la volonté impartiale d'Etat. Et enfin, la clémence d'Auguste n'est pas un geste personnel de l'empereur, mais un acte politique accompli au nom de la Raison d'Etat. C'est ainsi que la réconciliation de deux partis opposés ne sert qu'aux intérêts d'Etat. Et la clémence devient en même temps le châtiement.

La comparaison des problèmes politiques de „Cinna“ et du „Testament politique“ montre qu'il y a entre eux un lien idéologique très proche.